СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ОСОБЕННОСТИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 141

Ю.А. КИРИЧЕК

Одной из составляющих структуры повседневности является сфера политического. Особый интерес в этом контексте представляет познавательный аспект тематики повседневности и его соотношение с политической наукой. Многовековая история человечества позволила выделить несколько степеней постижения человеком мира политического, однако обращение к специфике этого процесса следует начинать с рассмотрения особенностей познания в социальных науках в целом.

Согласно наиболее признанной точке зрения «познание» трактуется как «диалектический процесс, в ходе которого мысль человека об опыте все более приближается к нему» [7, с. 209]. Этот процесс характеризуется бесконечностью, как и объективно существующий мир в своих свойствах и проявлениях. Целостность всей системы связи человека с миром невозможна без элемента познавательного отношения к действительности. Последняя в сознании индивида отражается в содержании познания как процесса общественно-исторической деятельности, конечным результатом которой становится новое знание о мире.

Особенность субъект-объектного взаимодействия в познавательной деятельности наиболее заметно проявляется в социальном познании, где обозначенные объект и субъект совпадают. Данной отличительной чертой обусловлены основополагающие характеристики социального познания:

1) статичность. Общество как объект познания для науки представляет собой упорядоченную совокупность законов; в свою очередь, социальные законы являются результатом деятельности людей, они находятся вне времени и принципиально статичны;

2) основой социального познания является изучение общественных отношений;

3) преобразование социального познания осуществляется на основе, прежде всего, относительных истин. На каждом уровне развития человечества ввиду сравнительно быстрого изменения общественной жизни упрочивается свое понимание происходящего, новый подход к ценностям, теориям, методам, применяющимся в познании и т.д.;

4) тесная связь социального познания с интересами людей. Отсюда, по мнению Л.А. Пафомовой, важно помнить, что истинным является, чаще всего, знание, сформированное представителями прогрессивных слоев общества. Знание реакционных социальных групп имеет, как правило, утилитарный характер, одностороннюю направленность, потому считается ошибочным. Следовательно, мера истинности знания зачастую характеризуется мерой прогрессивности в социальном развитии [7, с. 213].

Познание осуществляется человеком в различных видах и определенных формах, среди которых в наиболее общем смысле выделяют: научное, философское, художественное и т.н. обыденное познание. Обратим внимание на следующую особенность. В рамках социальной философии, которая признает повседневность продуктивным элементом общественной жизни, утверждается возможность осуществления определенного методологического поворота: признать теоретика, изучающего общество, непосредственной составляющей этого общества, из чего следует, что ученый будет соединять в себе теоретическое и дотеоретическое знание. Тем самым признается, что на практике свои действия исследователь будет согласовывать с теорией, а теоретические разработки будет осуществлять как участник жизненного мира. Отсюда теоретическое знание будет представлено как символическое воплощение социальной жизни, а собственно теория – как составная часть общественной практики [4, с. 240].

Подобный поворот нашел свое отражение и в трудах исследователей повседневности. Так, обозначая грань между двумя «мирами» – миром идеальностей науки и единственно действительным миром человеческой жизни, Э. Гуссерль утверждает крайнюю важность в философско-теоретическом и в социально-практическом смыслах обнаружения исторической и сущностно-логической зависимости идеа-

лизированного «мира» науки, культуры в целом от изначального жизненного мира [6, с. 108].

Попытку связать науку со здравым смыслом, с миром повседневного знания и опыта осуществляет А. Шюц. Однако выявление этой связи одновременно скрывает в себе определенную опасность: наука при таком подходе лишается закрепившегося за ней ореола объективности и исключительности, обыденное и научное познание социального мира оказываются принципиально неразделимыми сферами. Обнаружение, систематический анализ и изложение этого двусмысленного факта составляют главную заслугу А. Шюца в области теоретической социологии.

По мнению Б.В. Маркова, различие между наукой и миром жизни можно было бы провести в т.ч. по предмету или методу. Однако в этом случае повседневность учитывается как нечто случайное, чаще всего нарушающее рациональный порядок вещей. Между тем, повседневность сама основана на достаточно жестких порогах и различиях, разграничивающих «плохое» и «хорошее», «справедливое» и «несправедливое», «истинное» и «ложное», «красивое» и «некрасивое» и пр. [4, с. 233]. Именно эти, кажущиеся естественными и не вызывающие сомнений, различия образуют почву права, науки, философии, политической власти и т.п. форм рациональности.

Итак, перечисленные выше виды познания: научное, философское, художественное и обыденное – тесно взаимосвязаны друг с другом, но именно последнее, обыденное, повседневное познание лежит в основе всех остальных; без связи с ним не имеет смысла никакое другое знание. Попытаемся разобраться в сущности этого феномена.

Обыденное познание формируется в процессе повседневной деятельности, его базой служит личный опыт человека и обобщения, усвоения общественно-значимого знания. Его содержание связано, в первую очередь, с информацией о единичных объектах и ситуациях. По форме обыденное познание является образным с элементами логического и рационального. В информационном плане это самый ёмкий вид познания.

Начнем с известного факта: каждый индивид застает окружающий мир уже организованным единством и вынужден лишь приспосабливаться к нему. Первоначально мир познается дотеоретическим образом как исходное и неизбежное условие активности субъекта и, прежде всего, активности повседневной, рутинного бытия. Этот мир можно было бы описать в качестве неких «объективных структур», которыми овладевают в целях дальнейшей успешной деятельности, после чего мир представляется уже как нечто само собой разумеющееся. Сомнению могут быть подвергнуты только частности мира, но не его существование как таковое. Очевидность мира и его структуры одинаковы и для Я, и для Другого (с учетом пространственно-временных обстоятельств и особенностей биографической ситуации), таким образом, мир оказывается интерсубъективен.

Само познание мира управляется интересами индивида, а критерии знания соотносятся с успешностью деятельности. Для обыденного сознания типично представление о мире как о некой неизменной, внешней, противостоящей индивиду устойчивой структуре. С этой позиции повседневность является первичной и автономной реальностью, существующей субстанционально [3, с. 157]. Обыденное знание при этом устойчиво претендует на адекватное отображение реальности мира повседневности.

А. Шюц соотносит понятие обыденного сознания с т.н. «естественной установкой» в повседневном мире, а сам термин «обыденное знание» ученый наделяет следующими характеристиками:

1. социально структурированное, интерсубъективное знание, способствующее практической и теоретической ориентации в природе и в обществе;

2. оно содержит конструкты и типизации, служащие в качестве оправданных реальностью и практикой способов деятельности;

3. обыденное знание является общим для всех субъектов, в т.ч. и для ученых, оно всегда «предпослано научной работе и выступает необходимой основой и исходным пунктом для исследования и анализа жизненного мира» [3, с. 158].

Согласно общепринятой в науке классификации постижение человеком политического мира, подобно рассмотренному выше процессу в социальном познании, происходит на трех уровнях: обыденном, технологическом и научно-теоретическом. Однако свою практическую политическую деятельность люди начинают на обыденном, интуитивно-образном уровне познания, где наряду с рациональными оценками широко присутствуют и различного рода

иррациональные представления. Рядовой гражданин, т.н. «человек с улицы», создает первичный, фоновый облик политики, который позволяет ему приспосабливаться к политически организованному сообществу, находить совместимые с собственными целями способы взаимоотношения с властью и государством. Формирующийся на этом уровне образ политики представлен в виде различного рода метафор, чувств и других простейших способов выражения мысли. Этот образ оказывается результатом фактографического созерцания политики, не претендующего на какое-либо специализированное отношение к действительности. Обыденное сознание создает своеобразную «естественную» картину политики на основе индивидуального эмпирического опыта и традиционно сложившихся идей, обычаев, стереотипов. Нередки случаи, когда такого рода воззрения привносят в образ политики оттенки тех проявлений политического взаимодействия, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни (хитрость, коварство, нечистоплотность и пр.).

При этом оценки, которые субъекты дают на уровне обыденного сознания могут быть как в виде суждений, требующих научных знаний, так и построены лишь на понимании. Последние в отдельных случаях доминируют, а само политическое понимание на этом первичном уровне можно трактовать как «умение выбрать точку зрения, которая отражает смысл современных политических реальностей, без учета его непосредственного или опосредованного опредмечивания» [2, с. 111].

За время существования политической науки в качестве самостоятельной дисциплины внимание ученых было преимущественно сосредоточено на объективной стороне политических процессов и деятельности политических институтов. При этом общеизвестно, что политика творится не только действиями. Наряду с фактами, фиксируемыми объективными методами, политическая реальность создается также с помощью значений и смыслов, которые рождаются в процессе взаимодействия политических субъектов. В этой связи возникает необходимость применения аналитического инструментария *герменевтики* – учения о понимании. Данное понятие трактуется здесь во взаимосвязи с философской концепцией В. Дильтея и подразумевает специфический метод гуманитарных наук («наук о духе»), позволяющий осознать внутренний мир человека, а также целостность какой-либо культуры, в том числе политико-культурных феноменов.

Приемы герменевтики являются актуальными и для изучения мира политики, тем более, что «понимание» представляет собой не только исследовательский метод, но и способ познания политической действительности ее субъектом. Отсюда понимание определяется в качестве «*онтологического процесса* постижения самим субъектом политики той сферы реальности, в которой ему приходится действовать или просто в которую он погружен, в т.ч. посредством истолкования ее отдельных фактов» [1, с. 131]. В обоих случаях и аналитик, и отдельный политический актор изучают ценностный мир, выявляя значение и смысл его элементов, тенденции его эволюции. Однако понимание как онтологический процесс подразумевает «погруженность в мир политики и действия в нем» в отличие от гносеологической процедуры, характеризующейся стремлением в некоторой степени отстраниться от политической действительности, погрузиться в своего рода созерцательность [1, с. 132].

Существует и еще одна особенность понимания как онтологического процесса – опосредованность пониманием любого типа политического влияния. Среди элементов реальности, от взаимодействия между которыми зависит характер и направленность понимания, выделяют следующие:

- уровень образования: от него зависит круг терминов, известных участникам политического процесса, средняя способность познавательных возможностей;
- уровень информированности: оказывает влияние на набор сведений об основных фактах, именах, терминах, необходимых для ориентации в сфере политических отношений;
- уровень и тип культуры: определяет отношение к ритуалам политической сферы, придает смыслы символам; здесь формируются предпосылки и первичный этап понимания, улавливается смысл, принимающий впоследствии более сложные формы;
- интерес к политике: обуславливает характер внимания к отдельным частям политической реальности, влияет на степень готовности субъекта к восприятию информации. Причем интерес к политике увеличивается вместе с ростом социального статуса индивида; последний становится в большей мере подготовлен к участию в

институциональных и регулярных формах политики, невозможных без понимания. Снижение социального статуса, напротив, влечет за собой падение интереса к миру политики, освоение политической реальности, в этом случае, уступает место примитивным психологическим импульсам – страху, манипулируемости, внушаемости.

Уровни понимания преимущественно определяются спецификой мировоззрения, которым руководствуется субъект политики. Так, на уровне научного мировоззрения, основанного на фактах и на анализе с помощью общепризнанных процедур рационального познания, А.И. Демидов предлагает выделять следующие *типы понимания в политике:*

1) сциентистский,

2) профессиональный, политологический,

3) идеологический, ценностно-ориентационный [1, с. 133].

Первый тип основан на использовании точных (прежде всего математических) методов сбора и обобщения фактов, что дает возможность усвоения больших массивов статистической и социологической информации, получаемых в результате опросов, построения различного рода моделей политического процесса. А. Шюц, сравнивая социального исследователя с естествоиспытателем, отмечает ограниченность позитивизма формально-логическим аспектом изучения жизненного мира и утверждает, что самоочевидные предпосылки социальных наук можно разъяснить с помощью анализа жизненного мира [8, с. 153].

В сфере деятельности социального исследователя находится согласование понятий обыденной жизни и понятий научной теории. Перед ним лежит реальность, уже познанная обыденной жизнью, она представляется для исследователя нерефлектированной самоочевидностью, неким единством пространственных, временных, социальных пластов и наслоений. Социальный исследователь, в отличие от естествоиспытателя, должен учитывать наличную конструкцию социальной действительности, которую относительно социальных наук можно назвать конструкцией второго уровня, конструкцией конструкций [8, с. 153]. Основным принципом образования понятий в социальных науках А. Шюц утверждает принцип *субъективной интерпретации.* Особенности социальных объектов исследований позволяют австрийскому социологу сделать вывод о необходимости рассмотрения понятий социальных наук и их толкований с точки зрения содержания их смысла для индивидов, участвующих в социальных действиях.

Следующий тип понимания – *профессиональный, политологический* – характеризует способность постижения подлинного и многообразного содержания политики, возникающую преимущественно посредством включения в процесс политического познания и ориентации разнообразных средств учета, выражения его субъективно-ценностной стороны. По мнению классика американской политической науки К. Дойча, «понять политику – означает прежде всего быть способным узнать, что является важным – т.е. видеть факты, которые производят наибольшее воздействие на исход событий. Это также означает способность знать, что является ценным – представлять, какое воздействие каждый политический результат будет оказывать на наши ценности, а также на события и людей, которых мы любим и о которых заботимся. И, в конечном счете, это значит – знать, что есть действительность и правда» [9, с. 6].

Такой способ понимания политики является наиболее оптимальным, аутентичным, заключая в себе сложный комплекс различных методологий и средств познавательной деятельности. Среди них можно выделить:

1. собственно *научное знание*;

2. *интуицию*, основой которой служат специальные знания и опыт, открывающие возможность «синтетического», целостного видения ситуации, столь важного для принятия политического решения;

3. *оценку* как способность выразить, связать знания с интересами, позициями, потребностями действующих в политике субъектов и зафиксировать в определенном типе ориентации их отношение к реальности.

Кроме того, в перечень методологий познавательной деятельности, характерных для политологического типа понимания, входит, по версии А.И. Демидова, и такое сложно поддающееся рефлексии, но не менее важное средство ориентации в политике, как *здравый смысл* (common sense). Информация здесь может относиться к качественно разнородным объектам, процессам и ситуациям, включать в себя вместе с суждениями о свойствах вещей условные правила деятельности, а наряду с истинными знаниями – ложные и, тем не менее, практически полезные.

Следует обратить внимание и на еще один тип понимания в политике – *ценно-*

стно-ориентационный. Он подразумевает смещение баланса от знаний к ценностям с усилением значимости субъективной стороны процесса. Для данного типа характерен взгляд на политическую реальность «с позиции желаемого, с точки зрения учета и выражения интересов и потребностей субъекта» [1, с. 135]. Значимость ценностных компонентов политической реальности вырастает, они становятся критериями объяснения любого явления, события, процесса и играют решающую роль в достижении согласия и поддержки большинства. Иной отличительной чертой указанного типа понимания выступает некая замкнутость на себя, «парадигмальность», проявляющаяся в способности трактовать любой, в т.ч. и новый, факт реальности в границах уже усвоенных принципов и ценностей.

Итак, для осуществления политической деятельности, которая всегда разворачивается в определенном времени и пространстве, в конкретном экономическом и культурном контексте, наиболее приемлемым представляется профессиональный политологический тип понимания. Его характерные, перечисленные выше методы демонстрируют открытость этого уровня для освоения новых фактов, идей, интерпретаций. Указанный тип понимания, в отличие от рационалистического стиля политического мышления, гораздо в меньшей степени способен вести к отрыву от политической реальности и подвержен различным формам утопизма.

Исследуя познавательный аспект повседневности в соотношении с политологией, необходимо помнить, что «любой продукт труда, результат действия, высказывание и даже реальное положение дел могут быть интерпретированы как доступное наблюдателю событие и как значение, подлежащее пониманию» [5, с. 171]. При этом, как справедливо замечает основатель герменевтики Г. Гадамер, проблемы понимания возникают, прежде всего, в ненаучных контекстах, таких, как повседневная жизнь, история, литература. Социальный процесс сам по себе, разумеется, не сводится исключительно к пониманию, однако действия, ориентированные на определенный успех, связаны с необходимостью понимания.

Принимая во внимание указанный в начале статьи методологический поворот, можно отметить еще один аспект исследуемой тематики. Поскольку дотеоретическое знание конструирует теоретические понятия, то оно должно каким-то образом подвергаться контролю. Б.В. Марков, в этой связи, предлагает обратиться к процессу коммуникации, где объективная теоретическая установка складывается как часть жизненной практики. Особенная роль исследователя любых социальных процессов, в том числе и свойственных миру политики, заключается в следующем: познавая общество, ученый сам способствует его изменению, но его познание при этом не является взглядом «нейтрального наблюдателя», оно представляет собой составную часть общественного взаимодействия [4, с. 240]. Так, становится очевиден коммуникативный аспект социально-политической деятельности. Определение роли повседневных форм политических коммуникаций во включении «обычного» гражданина в мир политики, в складывании обыденного сознания и в осуществлении повседневной политической деятельности представляется, по нашему мнению, перспективным направлением для дальнейших более глубоких исследований.

1. Демидов А.И. Понимание в политике / А.И. Демидов // Полис. 1999. № 3. С. 131–138.
2. Захаров М.Ю. Обыденное политическое сознание: диалектика понимания и оценки // Социальное познание и политическая культура. Сб. науч. тр. / Редкол: В.М. Фигуровская и др. Тверь: Тверской гос. ун-т., 1990. С. 110–115.
3. Касавин И.Т. Повседневность как философско-эпистемологическая проблема / И.Т. Касавин // Наука глазами гуманитария: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В.А. Лекторский]. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 137–166.
4. Марков Б.В. Социальная философия и повседневный мир жизни // Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Изд-во «Лань», 1997. 381 с.
5. Марков Б.В. Философская антропология. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
6. Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция «жизненного мира» в поздней философии Э.Гуссерля / Н.В. Мотрошилова // Вопросы философии. 2007. № 7. С.102–112.
7. Пафомова Л.А. Познание мира. Формы и методы познавательного процесса // Основы современной философии. СПб.: Изд-во «Лань», 2004. 384 с.
8. Шульц В.Л. Методология социального познания А.Шюца / В.Л. Шульц // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 152–165.
9. Deutsch K. Politics and Government. How People Decide Their Fate. Boston, 1976. P: 6–12.